

УДК 113

Блуждая над бездной: концепты метафизического страха (Angst) и пропасти (Abgrund) в немецкой философии

Чеснокова Леся Владимировна

Аспирант кафедры философии,
Омский государственный педагогический университет,
644099, Россия, Омск, наб. Тухачевского, 14;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются два важнейших концепта немецкой культуры: Angst (метафизический страх) и Abgrund (пропасть, бездна). Показывается связь этих концептов, обусловленная присущим немецкой культуре обостренным ощущением хаоса как бездны, грозящей поглотить человека. Влечение к пропасти связано с вертикальной направленностью немецкой культуры, неоднократно в своей истории испытывавшей взлеты и падения духа. Указывается на амбивалентность концепта Abgrund, который, с одной стороны, таит в себе опасность и внушает страх, а с другой стороны – побуждает человека к творческой активности, к духовным исканиям.

Ключевые слова

Концепт культуры, немецкая культура, экзистенциализм, метафизический страх (Angst), глубина (Tiefe), пропасть (Abgrund).

Введение

Базисной единицей описания национальной культуры является концепт, который Ю.С. Степанов определяет как

микромодель культуры, порождающий ее и порождаемый ею. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с

другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – обычный, рядовой человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»¹. По точному замечанию Л.В. Альмяшовой, «Обыденное сознание выделяет те наглядно-чувственные представления ..., с которыми человек встречается на протяжении жизни чаще, чем с другими, в качестве своеобразной когнитивной основы своей адаптации к миру, как прагматический ответ, способный служить объяснением»².

Анализ концептов является одним из наиболее актуальных направлений современных гуманитарных исследований. В каждой культуре существуют ключевые слова, в интерпретации которых раскрываются особенности мышления и менталитет того или иного народа.

Angst как основной концепт немецкой культуры

Angst (метафизический страх) – центральный концепт немецкой куль-

туры, содержание которого сформулировано носителями языка и отражает специфику немецкой картины мира. По словам А. Вежбицкой, он очень приблизительно соответствует словам со значением «страх» в других языках, «поскольку в концепте «Angst» содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности»³.

Тема страха является «культовой» для европейской культуры XX века и основополагающей для немецкой культуры. Иностранные наблюдатели считают Angst настолько немецким чувством, что оно превратилось в нарицательное понятие и без перевода дается, например, в английских словарях. Как отмечает М. Шрайбер, что «хотя немцы и думают, что их страхи соответствуют боязни всего окружающего мира, кажется, что весь остальной мир полагает, что немецкий страх (Angst) – это особенно сильное чувство, которое отдает глубиной (Tiefe), смертью (Tod) и бездной (Abgrund)»⁴.

Одной из наиболее значимых культурных ценностей в Германии яв-

1 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004. – С. 43.

2 Альмяшова Л.В. Признаки живой природы концепта крови как составляющая фрагмент языковой картины (на материале немецкого языка) // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 5-6. – С. 76.

3 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. Русс. Культуры, 1999. – С. 601-602.

4 Schreiber M. Welt aus Schmerz und Stille // Der Spiegel. – 2006. – N 35. – S. 152.

ляются уверенность в будущем и чувство защищенности. А. Вежбицкая упоминает в этом смысле слово *Sicherheit*, которое означает «полную УВЕРЕННОСТЬ в том, что ничего плохого не МОЖЕТ произойти (в этом смысле оно создает большее чувство защищенности, нежели, скажем, английское *safety*, просто обещающее, что ничего плохого не произойдет, и даже *security*, обещающее сверх того, что ничего плохого и не МОЖЕТ произойти»⁵. И, напротив, сознание неопределенности, неуверенности в будущем порождает даже больший страх, чем реальная опасность.

Конечно, такой важный аспект сознания и культуры нашел свое отражение в немецкой философии, особенно в экзистенциализме. Можно даже предполагать, что экзистенциальная философия выросла из обращения к этой теме в XX веке, в эпоху между двумя мировыми войнами, когда вера в разум, гуманизм, прогресс как основные принципы европейской цивилизации, оказалась утрачена. Экзистенциализм обращается к конкретному человеку

как к личности, с ее трагическим мироощущением, чувством одиночества и заброшенности, отчаяния и тоски.

Страх в экзистенциальном смысле – это не физический страх, а метафизический ужас – потрясающее человека прозрение. Здесь важно не его психологическое содержание, а онтологический смысл, который заключается в том, что человеку открывается зияющая бездна небытия, которую он раньше не замечал, спокойно прозябая в суете повседневных дел.

Примечательно, что проблема страха не теряет своей актуальности и для современных немцев, живущих в экономически благополучном государстве. Несмотря на высокие зарплаты и совершенную систему социальной защиты, при малейшем признаке кризиса в обществе появляются самые катастрофические сценарии. Вероятно, причины подобной боязни кроются в том, что представители немецкой культуры обостренно чувствуют то, насколько тонок слой почвы под ногами, готовой в любой момент разверзнуться и сбросить нас в пропасть, в которой бушуют силы хаоса. Наиболее отчетливо это мироощущение выразил Ф. Ницше, сформулировав, что человеческая культура – «это лишь тонкая яблочная кожура над раскаленным хаосом».

5 Цит. по: Шмелев А.Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 445-446.

Слово «хаос» (в первоначальном значении «зияющая бездна») происходит от греческого $\chi\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, $\chi\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ – зиять, зевать, разевать рот, быть пустым и голодным). То есть это нечто вроде мрачного бездонного колодца, способного поглотить любого, рискнувшего слишком близко подойти к нему.

Хаос, иррациональное начало одновременно пугает и завораживает, вызывает отвращение и влечет к себе. Как отмечает В. Шубарт, чувству прометеевского или фаустовского человека, т.е. западноевропейца в качестве преобладающего душевного настроения свойственен изначальный страх. Будучи метафизическим пессимистом, он не доверяет изначальной сущности вещей, осмысленной организации бытия. «Он переживает мир как хаос, который только благодаря человеку получает свой смысл и оправдание. Его постоянно мучает страх, что мир затрещит по швам, едва он снимет с него свою без отдыха творящую руку».⁶ Прометеевский человек боится, что мир сорвется в пропасть, как только он перестанет приводить его в порядок. Поэтому он так озабочен, тревожен, несчастен. Он все время борется с судьбой, что-то планирует, боится импровизации, в которой

видит хаос. Все это является результатом изначально присущего ему метафизического страха, недоверия к миру.

Вертикальная направленность немецкой культуры – Tiefe (глубина)

Если наиболее ценными духовными и интеллектуальными качествами для представителей английской культуры являются великодушие, здравый смысл и практичность, а французы, в соответствии с картезианскими традициями, требуют от интеллектуального творчества логичности и четкости, направленной блеском остроумия, то немцы в наибольшей степени ценят в своих гениях духа истинность, содержательность и глубину, пусть даже сочетающейся с известной тяжеловесностью изложения и сложностью для восприятия. Вспомним ироничную пушкинскую формулировку, характеризующую немецкую культуру, к которой приобщился Ленский в одном из германских университетов: «и нечто, и туманну даль».

«Поэт и Мыслитель (Dichter und Denker) – главные действующие лица немецкой культуры. Идеи важнее средств их выражения. Пусть они будут трудноперевариваемы, но глубоки. Все дело в сути, а не во внешней

6 Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Эксмо, 2003. – С. 111-112.

оболочке»⁷. Поэтому Гегель в ответ на запрос из Франции изложить им кратко и популярно свою систему, сказал, что его система не может быть изложена ни кратко, ни популярно, ни по-французски.

Тяга в глубину издавна присутствует в немецкой мистике и философии. Как отмечает Г.-Д. Гельферт, уже в позднем средневековье Германия была центром европейской мистики. «С Якобом Беме эта традиция продолжилась во времена барокко. В 18 веке уже Иоганн Георг Гаманн, «маг севера» стал представителем немецкого глубокомыслия, а со времен спекулятивного идеализма Фихте, Шеллинга и Гегеля глубина стала отличительным признаком немецкого мышления как такового»⁸. Своей кульминации это стремление к глубине достигло в философии Хайдеггера, который не удовлетворился бытием, а хотел проникнуть в самые основы бытия.

Можно предположить, что подобная любовь к глубине – нечто большее, чем простое предпочтение. Это выражение вертикального мировоззрения присущего немецкой культуре,

выбравшей путь к высотам и падениям духа. По словам Г. Д. Гачева, в Космо-Психо-Логосе Германства вертикальное измерение преобладает над горизонтальным. Причем это «вертикаль, исходящая из Глуби (Tiefe) в Высь (Höhe)».⁹

Если романские народы их *savoir vivre* (искусством жить) спокойно и одобрительно относятся к существующему земному миру и телесности, а русским есть где разгуляться на своих бескрайних просторах, то немец, чувствуя себя зажатым в центре Европы, стремится вырваться за данные ему пределы, что возможно только по вертикали – вверх или вниз.

Напротив, основной вектор русской культуры – это горизонталь. В отличие от европейского обостренного чувства формы, жесткой структурированности здесь присутствует бесформенность, горизонтально растянутая картина мира, равнинное мышление.

Величина русского пространства отчетливо контрастирует с малыми размерами и территориальной разделенностью Западной Европы. По словам Ф. Ингольда, «для русских ощущение родных просторов прежде всего связывается с чувством большей свободы, «воли», которая искушает его забыть

7 Зайдениц Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы. – М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. – С. 41.

8 Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind. – München, 2005. – S. 61.

9 Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 118.

самого себя, странствовать, оставив все, что связывает его с прошлым и с будущим, с его работой, семьей, домом»¹⁰. Напротив, в пространственной тесноте Европы взгляд все время натывается на какие-то границы (горы, моря, озера...); человек здесь не может и шагу ступить, чтобы не столкнуться с каким-то законом – в противоположность «воле», ощущению русского простора.

Положительной характеристикой русского человека считается широта души – отсутствие мелочности и расчетливости. «Широкая душа» предполагает доброту и великодушие, однако также и отсутствие внутренней дисциплины, эмоциональную несдержанность. «Широк русский человек, слишком даже широк, я бы сузил», – говорит Дмитрий Карамазов Достоевского.

Германия же зажата в центре Европы. Мир слишком тесен, здесь нет простора, дали, дефицит которых пытались компенсировать за счет расширения жизненного пространства, откуда взялся пресловутый *Drang nach Osten*. «Из измерений же бытия родны не даль, не ширь, но вертикаль: высота (*Höhe*) и глубина (*Tiefe*), а особенно глубина, низ, где корни, так что даже о сердце говорят

не как о центре души, а как о глубине души. Там, в глубоком чувстве (*tiefes Gefühl*) – корень жизни, источник всего»¹¹.

Примечательно, что в том случае, когда в русском языке говорится о широкой душе (которой есть где развернуться на бескрайнем просторе), в немецком языке в качестве эпитетов используется глубина («*tiefe Seele*» – «глубокая душа») и высота («*hohe Seele*» – «высокая душа»). Поэтому немецкой амплитуде культуры присуще движение вверх-вниз: высочайшие творения духа и глубочайшие падения, шпили готических соборов, рвущиеся в небо и глубина философских исканий.

Г. Д. Гачев на языке стихий объясняет вертикальный вектор германства следующим образом: «Стремление, восстание, превосхождение мер – это действие стихии огня, которая побуждает душу восходить ввысь, в *Höhe*. Инерция же, статика – производятся гравитацией земли, которая притягивает континентальную, материковую германскую душу с равной силой в глубь (*Tiefe*). Немец распялен между этими двумя полюсами вертикали Бытия¹²».

¹⁰ Ingold F.P. *Russische Wege. Geschichte – Kultur – Weltbild*. – München: Fink, 2007. – S. 88-89.

¹¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2008. – С. 241.

¹² Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 116.

Для немецкой готики характерна особая вертикальная устремленность, башни немецких соборов рвутся ввысь, в отличие от более уравновешенных образцов романской готической архитектуры. Но существует и другой вектор – это тяга к Tiefe, к глубинам земли. Германской культуре свойственно противоречие между этими двумя вертикальными устремлениями: вверх – к вершинам духа, стремящемуся превзойти человеческие пределы и вниз – к приземленной косности, мещанству, тяжелой педантичности, пресловутой любви к порядку, за что часто упрекают немцев.

Глубины земли издавна влекут к себе этот народ горняков и металлургов, ощущающего свое интимное родство с ее недрами, тягу в глубину, подобно стремлению к глубине в германской музыке и философии. Из всех стихий здесь преобладает стихия земли с ее таинственными пропастями и шахтами. «Там – огонь низовой, горн-кузня, из недр земли полыхающий, черного солнца завет, геенский жар... При недостатке солнца верхнего, от солнца, они должны прибегать за помощью к черному солнцу, огню недр, кузни, индустрии ископаемых».¹³

13 Гачев Г.Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). – М.: Наука, 1993. – С. 151.

Таинственные подземелья всегда интересовали немецких исследователей (средневековых алхимиков, позднее – ученых и промышленников), готовых, подобно Фаусту, продать душу черту за их постижение. Труд горняков неоднократно описывался в литературе (Э. Т. А. Гофман, Новалис), где горный мастер предстает перед читателями как некий посвященный в тайны природы, знающий секретные пути, ведущие в недра земли, таящие в себе неисчислимые богатства.

Этим объясняются многочисленные предания о кладах, сюжеты о том, как в горах обнаруживают золотую жилу или, вспахивая поле, находят горшок с золотыми монетами. Интересно, что и возлюбленного/возлюбленную по-немецки ласково зовут «mein Schatz», т.е. «мое сокровище», «мой клад». В этом отражается тяга немецкого сознания в таинственные глубины земли. Недаром такое место в немецком фольклоре занимают духи земли – гномы.

Опасности Abgrund (пропасти)

Но того, кто так любит глубину (Tiefe), должно тянуть и в пропасть (Abgrund). Тяга к пропасти – одна из

наиболее примечательных черт немецкой культуры. Бездна одновременно притягивает к себе и внушает страх. Как отмечает философ, острее всех чувствовавший ее дыхание, «если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя». В стихотворении «Меж коршунов» из «Дифирамбов Дионису», одном из последних произведений, написанных Ницше незадолго до того, как погрузиться в пучину безумия, некая хищная птица насмехается над повисшим над пропастью Заратустрой:

Кто захочет здесь вниз,
как мгновенно
канет он в бездну!
– Но ты, Заратустра,
бездны всё ещё любишь,
как вон та *сосна*? –
Она-то пустит корни,
где содрогнётся от страха
даже утёс;
она-то медлит над бездной,
где всё окрест
рвётся вниз:
меж нетерпением
водопадов буйных и камнепа-
дов
ждёт она терпеливо, сурово,
безмолвно,
одинокко...
Одинокко!

Да и кто решится
гостем здесь быть,
твоим гостем?..
Коршун разве –
налетит и злорадно
вцепится в волосы
стойкому терпеливцу –
с хохотом диким,
с хохотом хищным...
«*К чему* эта стойкость? –
глумится жестокий. –
Любишь бездны – имей крылья!
Что ж ты повис тут,
висельник жалкий?» <...>

(Пер. А. В. Карельский).

«Бог умер и мы его убили!», – провозгласил Ф. Ницше. Теперь человек остался наедине с бездной Ничто, но, будучи духовно слабым, пытается не замечать ее, создавая себе иллюзии в виде религии, морали, гуманизма, демократии... Но все это – лишь паллиативы, помогающие заглушить первозданный ужас от столкновения с бездной. Высшие люди – аристократы духа – отвергают эти иллюзии, не боясь взглянуть в лицо хаоса. «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что

он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту»¹⁴.

Другой выдающийся немецкий философ, М. Хайдеггер, также исследует пропасти бытия и мышления. Пропасть Ничто может поглотить рискнувшего слишком близко подойти к ней. Но истинное философское вопрошание заглядывает в пропасть, отказывается от привычной обыденности, усыпляющей человека, дарящей иллюзию безопасности.

Хайдеггер осуждает философию, которая ищет последние основания, надеясь тем самым «закрепить крюки альпинистской страховки (такие как идеи добра, истины и красоты) над пропастью. Философ должен выдерживать головокружения, которые охватывают его, когда он узнает, что в мире не существует никакого надежного основания»¹⁵.

Он обращается к сидящему глубоко внутри страху, который человек прячет за своей повседневной рутинной: ужас перед тем, что кажущийся

стабильным мир, включая его собственную экзистенцию, может рухнуть в любой момент. Человек не способен найти ответ на вопрос, почему почва уходит у него из под ног, так как на него нет ответа. Поэтому следует учиться жить с чувством беспочвенности перед лицом бездны. Хайдеггер считает, что философ не должен более пытаться бежать от страха перед пропастью Ничто, а исследовать глубины бытия и сознания.

Сюжет об искушении силами зла в немецкой культуре

Еще Освальд Шпенглер различает греческий (аполлоновский) принцип Меры и Гармонии от германской Фаустовой души с ее беспокойством, стремлением превзойти норму, вырваться за границы, установленные человеку природой или Богом. «Для Фаустовой характерна эстетика Безмерного, Возвышенного (вместо категории Прекрасного), в ней действует огонь-жар (а не свет созерцания, как в Элладе средиземноморской), порыв и стремление (*Streben, Drang*)»¹⁶.

И действительно, немецкая история, как и российская, показы-

14 Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. – С. 10.

15 Dorn T., Wagner R. Die deutsche Seele. – München: Knaus, 2011. – S. 14.

16 Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 115.

вает тягу к крайностям. Немцы одновременно агрессивные завоеватели и жертвы господства других народов, это народ, которому свойственны беспримерная духовная свобода и тяжелый мелочный педантизм, это страна мыслителей и поэтов и бездушных военных преступников, немец – это непрактичный прекраснодушный мечтатель и холодный расчетливый делец.

Несомненно, такой вектор культуры не может не таить в себе серьезную духовную опасность, так как эта вертикаль может вести как вверх, так и вниз. Тот, кого влечет в глубину, рискует упасть в пропасть – не даром в немецкой культуре издавна существуют истории о духовных искушениях человека, заключившего договор со злом.

Томас Манн интуитивно чувствует, что в немецкой культуре есть что-то демоническое: даже величайшее поэтическое произведение Германии, «Фауст» Гете, в качестве своего героя берет человека, который из дерзкого стремления к познанию, продает свою душу дьяволу. «Дьявол Лютера, дьявол Фауста кажется мне очень немецким персонажем. Договор с ним, передающий спасение души в обмен на то, чтобы на определенный срок получить все сокровища и власть над

миром, – это нечто, очень свойственное немецкому существу»¹⁷.

Немцам в истории неоднократно доводилось поддаваться искушению сил зла. «Почему талантливейший, одареннейший народ оказался скручен этой хворью? – задается вопросом Аннинский, имея в виду нацизм. – Тут есть какая-то загадка, какая-то глубинная тайна немецкого духа. Какая-то смутная связь между «землей» и «небом» – в чисто немецком очарованно-сумеречном варианте... Немец – «человек земли», именно человек и именно земли; отсюда несторианские корни немецкой классической философии, как бы примеряющей человека на место Бога. Но немец одновременно – и «человек неба», прямо соединяющий звезды с нравственным законом»¹⁸.

По мнению многих авторов, никакой другой литературный персонаж не воплощает немецкую ментальность в большей степени, чем Фауст с его беспокойной душой, раздираемой сомнениями и поиском смысла,

17 Mann T. Deutschland und die Deutschen // Das Buch der Deutschen: alles, was man kennen muss (hrsg. von Johannes Thiele). – Bergisch Gladbach, 2004. – S. 606.

18 Аннинский Л.А. Русские плюс... – М.: Эксмо, 2003. – С. 78.

стремящийся к всеобщему благу и соглашающийся на уговоры дьявола. В этом литературном герое заключены такие противоречия немецкого национального характера, как упорство, гордое стремление к вершинам и падения в пропасть, разорванность между поиском смысла и склонность идти на поводу у сил зла. В трагических событиях истории 20 века многие исследователи видят фаустовский сюжет, когда немецкий народ поддается искушению силам зла – нацизму. По словам А. В. Гулыги, путями Фауста шла вся немецкая культура, «то наклоняясь к пропастям и безднам, то благополучно минуя их, ведомая поиском истины»¹⁹.

Тяга к крайностям, стремление раздвинуть человеческие пределы присутствует в немецкой истории. Германия – родина протестантизма, требующего от каждого приложить личные усилия, не доверять связь с Богом только клирикам. Автором богоборческой идеи Сверхчеловека тоже стал немец – Ницше, бросивший в культуру клич «Человек убил Бога!» Ницше писал о превосходении меры человека: «Человек должен быть прео-

долен» и «Если Бог существует, то как я могу вытерпеть не быть Богом?».

Гордыня, по мнению Г. Д. Гачева, является главным пороком в германстве (она, как известно, – сатанинский грех), тогда как французский грех – тщеславие – более легкий, простительный, ибо ориентирован не на само бытие и его глубины, а опосредован через общество. «Так что сатанинское начало у этого народа в крови и плоти. У французов, напротив, всякое сатанинство и инфернальность – наигранные, заемные, поверхностные, не чувствуют они геену нутром, интимно и искренне. И появляется все это во Франции лишь в начале 19 века после знакомства через м-м де Сталь с Германией и английским готическим романом ужасов. Тогда и пошли уроды, Квазимоды, а потом цветы зла и всякое мелким бесом сатанинство в розницу («опт» же поставляет германство)»²⁰.

Примечательно, что зло в германской культуре часто выглядит даже привлекательно. В своем благосклонном отношении к «духу отрицанья и сомнения» признается сам Всевышний в прологе к «Фаусту» Гете. Это «частица силы, желавшей вечно зла, творившей

19 Гулыга А.В. Путями Фауста: этюды германиста. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 5.

20 Гачев Г.Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). – М.: Наука, 1993. – С. 150.

лишь благое», остроумный собеседник, заключивший пари с Богом на то, что сумеет соблазнить добродетельного доктора. Примечательно, что Лютер видел его настолько реальным, что однажды швырнул чернильницей в угол комнаты, где тот якобы скрывался.

Это германский вариант разрешения проблемы теодицеи – оправдания Бога за существование зла в мире. Оно нужно «как подстрекатель к деятельности, к труду, к ургии, – чтобы мог Фауст, переводя Евангелие от Иоанна, заменить «В начале было Слово» – на «В начале было Дело» («Im Anfang war die Tat»)²¹.

Заключение

Таким образом, Angst (метафизический страх) и Abgrund (пропасть, бездна) являются важнейшими концептами немецкой философии культуры. Тема экзистенциального страха нашла свою глубокую проработку во многих областях немецкой культуры, в языке и философии, особенно в философии экзистенциализма. Концепт экзистенциального страха тесно связан с присутствующим в немецкой культуре ощущением бездны (Abgrund), которая

в любой момент может разверзнуться. Этот концепт амбивалентен: с одной стороны, пропасть внушает страх, а с другой – притягивает к себе. В немецкой культуре традиционно присутствует стремление к глубине – как в переносном смысле – к глубине творческих исканий, так и в прямом – к глубинам земли, проявляющийся в мифологии и религии, литературе и искусстве, науке и промышленности. Это связано с вертикальной моделью немецкой культуры, отразившейся в высотах и падениях духа. Издавна в немецкой культуре присутствует сюжет об искушении человека силами зла, наиболее известный из вариантов – легенда о докторе Фаусте. Зло с одной стороны губит его душу, а с другой – стимулирует активность, побуждает к деятельности.

Библиография

1. Альмяшова Л.В. Признаки живой природы концепта крови как составляющая фрагмент языковой картины (на материале немецкого языка) // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 5-6. – С. 61-93.
2. Аннинский Л.А. Русские плюс... – М.: Эксмо, 2003. – 606 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.:

²¹ Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 113.

- Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. – 544 с.
 5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2008. – 422 с.
 6. Гачев Г.Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). – М.: Наука, 1993. – 390 с.
 7. Гулыга А.В. Путиами Фауста: этюды германиста. – М.: Советский писатель, 1987. – 368 с.
 8. Зайдениц Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы. – М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. – 72 с.
 9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. – 608 с.
 10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004. – 992 с.
 11. Шмелев А.Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) / Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 445-446.
 12. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.
 13. Dorn T., Wagner R. Die deutsche Seele. – München: Knaus, 2011. – 560 S.
 14. Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind. – München, 2005. – 211 S.
 15. Ingold F.P. Russische Wege. Geschichte – Kultur – Weltbild. – München: Fink, 2007. – 569 S.
 16. Mann T. Deutschland und die Deutschen// Das Buch der Deutschen: alles, was man kennen muss (hrsg. von Johannes Thiele). – Bergisch Gladbach, 2004. – S. 606.
 17. Schreiber M. Welt aus Schmerz und Stille // Der Spiegel. – 2006. – N 35. – S. 148-161.

Wandering over the abysm: concepts of existential fear (Angst) and abysm (Abgrund) in the German philosophy of culture

Chesnokova Lesya Vladimirovna

Postgraduate student of the department of philosophy,
Omsk State Pedagogical University,

P.O. Box 644099, Tukhachevskogo emb., No. 14, Omsk, Russia;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract

The article considers two key concepts in the German culture: the concept of existential fear (Angst) and the concept of abysm (Abgrund). The connection of these concepts, which is conditioned by such characteristic of the German culture as keen feeling of chaos as chasm, which threatens to gulp down a human being, shall be regarded. An attraction to the abysm is conditioned by the vertical orientation of the German culture, which experienced spiritual ups and downs. A particular attention is paid to the interpretation of this ideas in the existential philosophy, in which is reflected a human fear in front of abyss of nonexistence. Indicated the ambivalence of the concepts of existential fear (Angst) and abysm (Abgrund), which, on the one hand, contain a danger, but on the other hand impel to activity, spiritual searching. Such duality is reflected in a great number of German legends about the human temptations of evil powers, the most known is a story about doctor Faustus.

Keywords

Cultural concept, German culture, existentialism, existential fear (Angst), profoundness (Tiefe), abysm (Abgrund).

References

1. Al'myashova L.V. (2012), "Features of animated nature of the "blood" concept as a component of a linguistic view of the world (on the materials of the German language)" ["Priznaki zhivoi prirody kontsepta krovi kak sostavlyayushchaya fragment yazykovoi kartiny (na materiale nemetskogo yazyka)"], *Language. Philology. Culture*, No 5-6, pp. 61-93.
2. Anninskii, L.A. (2003), *Russians plus... [Russkie plyus...]*, Eksmo, Moscow, 606 p.
3. Dorn, T., Wagner, R. (2011), *Die deutsche Seele*, Knaus, München, 560 S.
4. Gachev, G.D. (1993), *Images of India (Experience of existential culturology)* [*Obrazy Indii (Opyt ekzistentsial'noi kul'turologii)*], Nauka, Moscow, 390 p.

5. Gachev, G.D. (2008), *Mentalities of the nations* [*Mental'nosti narodov mira*], Eksmo, Moscow, 544 p.
6. Gachev, G.D. (2008), *National images of the world. Hellas, Germany, France: experience of existential culturology* [*Natsional'nye obrazy mira. Ellada, Germaniya, Frantsiya: opyt ekzistentsial'noi kul'turologii*], Logos, Moscow, 422 p.
7. Gelfert, H.-D. (2005), *Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind*, München, 211 S.
8. Gulyga, A.V. (1987), *On the ways of Faust: Germanist studies* [*Putyami Fausta: etyudy germanista*], Sovetskii pisatel', Moscow, 368 p.
9. Ingold, F.P. (2007), *Russische Wege. Geschichte – Kultur – Weltbild*, Fink, München, 569 S.
10. Mann, T., Thiele, J. (2004), "Deutschland und die Deutschen", *Das Buch der Deutschen: alles, was man kennen muss*, Bergisch Gladbach, S. 606.
11. Nietzsche, F. (2002), *Thus spoke Zarathustra. A Book for All and None* [*Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ne dlya kogo*], OLMA Media Grupp, Moscow, 608 p.
12. Schreiber M. (2006), "Welt aus Schmerz und Stille", *Der Spiegel*, No. 35, S. 148-161.
13. Schubart, V. (2003), *Europe and the soul of the East* [*Evropa i dusha Vostoka*], Eksmo, Moscow, 480 p.
14. Stepanov, Yu. S. (2004), *Constants. Dictionary of Russian culture* [*Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*], Moscow, 992 p.
15. Vezhbitskaya, A. (1999), *Semantic universals and languages description* [*Semanticheskie universalii i opisanie yazykov*], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, 780 p.
16. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005), "Some tendencies of semantic developments of Russian discursive words (na vsyakiy sluchay, yesli chto, vdrug)", *Key ideas of Russian image of the world* ["Nekotorye tendentsii semanticheskogo razvitiya russkikh diskursivnykh slov (na vsyakii sluchai, esli chto, vdrug)", *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira*], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, pp. 445-446.
17. Zeidenitz, S., Barkow, B. (2001), *The Xenophobe's Guide to The Germans* [*Eti strannye nemtsy*], Egmont Rossiya Ltd, Moscow, 72 p.